

The background of the cover is a painting. It depicts a woman's face in profile, looking towards the right. The face is rendered with soft, textured brushstrokes in shades of brown, grey, and blue. A large, dark shadow of the face is cast over the left side of the image, creating a sense of depth and mystery. The overall style is expressive and somewhat somber.

Александр Немировский

УРАВНЕНИЕ

РАЗЛОМА

Александр Немировский

УРАВНЕНИЕ

РАЗЛОМА

Короткие произведения
разных лет /1995-2009/

Обложка **Алла Виксне**
В иллюстрациях фрагменты из картин
Павла Тайбера и Аллы Виксне

Alexander Nemirovsky
URAVNENIE RAZLOMA
/poems 1995-2009/

ISBN 978-1-61623-877-3

© Alexander Nemirovsky
USA, California, Woodside, 2009

Моим любимым родителям и жене
посвящается. Без их вещего и вездесущего
присутствия эта книга теряет размерность.
Автор.

Вступление к уравнению.

Почему уравнение разлома? Скорее не уравнение, а уравнивание. Разлом – это пространство минимум из двух пластов жизни и чувств, разделенных пропастью. Перейти с одной плоскости на другую можно только по мостику стиха. По-другому их не соединить никак. А соединить надо – иначе сойдешь с ума от боли разрыва.

Впрочем стих в данном случае - это только форма уравнивания. Перейти можно по любому мостику, сделанному из искусства. Хотя бы и музыки. Ведь искусство обладает способностью соединять несовместимые пласты жизни.

Все абсолютно хорошие стихи, мне известные, соединяют такие разломы. Хороших же стихов, переброшенных над непрерывной, не разломанной поверхностью, не попадалось.

Построенный через трещину Стих, как бы выходит в другое измерение, где соединение невозможного становится реальным и простым. И очень гармоничным.

Существование пропасти – есть оправдание моста. Чувство правильности, которое накатывает,

когда стих получился. Это единственный ответ Вселенной, данный нам в ощущение на творчество. Мост переброшен.

Сам факт гармоничного соединения казалось бы не совместимых состояний души, еще раз указывает, что мы живем в очень ограниченных рамках большего мира, про который пока мало знаем.

Автор.

* * *

У меня под ногами затейливо треснувший грунт.
Только чудом каким-то он держится вместе Еще.
И идут
По нему. И спешат и бегут.
Далеко. Я привык. Я не думаю днем.
Только ночью,
Когда в тишине слышен хруст
Расходящихся швов у земли.
Я боюсь
Перед правдой стоять
И смотреть ей в глаза без души.
Понимая, что все, что пронес,
Надо снова поднять
И спешить

Ведь еще предстоит,
Повернувшись, нести это вспять.

* * * С.

Нет не придумать про дожди
Про снег и вьюгу.
У здешней осени плащи
И те редки.
Туман над городом под утро ломит руку
И к вечеру приносит сквозняки.

Ты пьешь его. Впускаешь через стекла.
Не деться никуда.
Лишь спать и плыть.
Во сне на облаке,
Которое крадется в надежде не убыть.
Но убывает.
В солнечном растворе
Желтеют пятнами стыда холмы.

Опять не вышло выжить.
Боже море!
И на песке приниженные мы.

То осень.
Ты укутываешь бэби.
Поверх пижамы. Что тут говорить.
Свернулось время.
На зиму. На небе
Перегорает розовая нить.

* * *

С.

Замечательных песен уже не учить.
Затянула рутина горящих забот.
И ни что не выходит на этом пути
Может быть через год.
Может быть через год.

Только то и живет
Лепестком над свечой,
Непрерывно маня
Из комфорта в уют.
Дорогая моя,
Нам не надо огня
Замечательных песен уже не поют.

Приглуши верхний свет.
У камина присядь.
Прирученный костер не волнует теплом.
Позабывтые строки нам дети простят.
Мы себе не простим.
Только то о другом.

Мы не помним слова
И что хуже всего - не подыщем замены
Уже на лету.
Увядает трава.
Может быть через год
Ты подбросишь поленья
Разнять темноту.

Затянула рутина горящим кольцом.
Замечательных песен и впрямь не учить.
И проходят года, так похожи лицом.
Закричало дитя.
Вправду надо спешить.

* * *

С.

Я далекое жаркое лето
Развлекал самолетным крылом.
Тень бежала по берегу где-то
Мы вдвоем.
Мы живем на подножном.
Никого. Лишь стихия да связь
Между нашим разрозненным прошлым
В настоящее повелась.

Самолетик заходит пониже,
На песок набегает волна.
Черепичные рыжие крыши.
И другая страна.
Мы несемся галопом по пляжу.
Разметают копыта песок.
Мы пропажи
Еще не считаем.
Огибаем
Мысок.

Чуть штурвал на себя - разворот на посадку.
Ориентиры видны полосы.
Убирая шмотьё, я наткнусь на тетрадку
И не стану смотреть на часы.

* * *

Никуда уж не деться.
Нам до Осени шаг или два.
Нам остались слова,
Чтоб заполнить наследство
Невстречи.
Чтоб суметь пренебречь
Притяженьем объятья за плечи
И как средством,
Которое лечит,
Заполнить провал.

Чтобы насочинять
Сто начал и развитий сюжета,
Начиная с конца.

Нам остались слова,
Чтобы их промолчать,
Чтоб дожидаться ответа,
Чтобы скрыть,
Проступившую краску лица.

* * *

По направлению отдышки
Можно догадаться что перевал пройден.
Подрастают мальчишки.
И близость к природе
Приобретает важность.
Вроде бы,
Так же измеряется время.
Только быстрее уходит.
В чувствах преобладает влажность.

В моде
Уже не разобраться.
С молоденькой стервой после двенадцати
Ночи бывает скучно.
Хорошо, что не стыдно. Пока.
Жизнь происходит в цикле того, что нужно.
Река
Выкатывается в долину
И меняет характер.
Можно не участвовать. Мимо
И так пронесет,
Производя переопределение пустяка.

Преодоление чего-либо случается наверняка,
Если по силам мускулам.
Достоинство спуска
В том, что дорогу видно издалека .

Б. Окуджаве .

Былое нельзя воротить, но не надо печалиться.
Подбросить полено и будет гореть еще час.
Эпоха проходит.
И вот уже нет Булат Шалвовича,
Но есть его песни и музыка бродит средь нас.

Мелодию можно опять повторить -
выхожу я на улицу.
И пауза вдоха, как рябь на воде пустоты.
Маэстро, берите гитару, достаточно хмуриться.
Давайте стараться во имя людской красоты.

Давно нам не надо под бедами мыкаться ощупью.
Вдоль красной реки пролегло скоростное шоссе.
До синей горы от Арбатской истоптанной площади
Где каждый идет по своей непростой полосе.

Маэстро, возьмите гитару,
но пальцы не движутся.
Нас тянет эпоха и крутит, вздохнуть не дает.

Одно лишь спасет,
Хотя больше слова не напишутся,
Что кто-то играет как прежде
Всю ночь напролет.

* * *

Людей тех нет.
А голос их все в памяти не гаснет
Уж сколько лет.
Все кажется вчера
И четко, ясно
До шороха одежд,
До телефонной трели,
Мы все беседуем...

Не устарели
Темы.
Вопрос-ответ все также актуален
Для дымных кухонь
И для тесных спален.

Как странно,
Что сегодняшние беды
Я обсуждаю с тем, кто канул в лету.
К совету
Данному прислушиваюсь просто.
К беседам в комнате,
К произносимым тостам.

И время распадается на части.
И остро
Не отсутствие твое, а тембр голоса.
И то, что я во власти
Отпущенного нам вдвоем.

Мы не торопимся.
Беседа плещет морем.
Мы обсуждаем жизнь после большой разлуки.
Мы смотрим вдаль.
Гораздо меньше спорим.
И вздох не сразу облакаем в звуки.

* * *

С.

"И муравей создал себе Богиню по
образу и духу своему"

(Б. Окуджава)

Закрывая глаза, прохожу коридором отчаянья.
Ты на троне в конце,
приговор мой сжимаешь в горсти.

Самому не спастись -
Я шагаю к тебе по кратчайшей
И, упав на колени, прошу тебя,
Бог мой, спаси.

Что я был недостаточно чуток,
И нежен не всегда,
А порой грубоват -
Посмотри, я стою на коленях,
Повержен
Нашу жизнь защищавший солдат.

Он устал.
Он на многое больше не годен.
То что раньше легко получалось,
Теперь уж никак.
Его раны болят.
Он усох.
Он стал ближе к природе.
Помоги ему, Боже,
Коль это тебе не в напряг.
Распускается горсть.

Приговор как листок опадает.
На холодном полу прогорают
Слова о любви.
Он поднялся с колен.
Он готов сколько силы хватает,
Чтоб сразаться с врагом.
Только, Боже, врага назови.

* * *

С.

Все, что осталось от меня
Кончается. И не надолго хватит.
Еще два дня.
Ну может быть неделю.
Беда одета в старенькое платье.
Ты в нем беременной носила наших деток.
В похмелье
Жизнь наряжена все в то же,
Что на пиру.
К утру
В глазах тоска.
И я, ничтожный,
Без тленья прогораю в этом взгляде.

Еще броска
Четыре или пять осталось
Раненному телу.
Как эффективно наступает небытие.
То малость, -
Но в твоей тетради
Нет места более для нас.

Я подведен к пределу.
Остался час.
Спустя его уйдешь и я погасну.

* * *

М. Р.

Счастливая, ты забываешь сны,
А я не смог.

Мне снились улицы
Москвы,
Машин поток,
Листы
Осыпавшихся кленов,
Старый двор,
Дождь. Утро. Разговор
Короткий. Я спросил:
"Кого ты ждешь?"
Ответила ты - "Принца."
Вздор
Какой-то потом несли...
Мне снились лица
Все без имен..

Сдвиг кадра.
Мы выросли.

Циничная зима
Заполнена разлукою,
Отлетом
Лед
Замерзает в переплетях
Окон. И дома,
Заваленные снегом, словно люди,
Погрызли в суете -

Куда деваться?

Сон обрывается...

Проходит двадцать

Лет. Сменяется эпоха.

Страны. Мы.

Все недосказанное прет из подсознания,

Не обретая в памяти названья.

Счастливая,

Ты забываешь сны.

* * *

Хочу, чтоб ты читала этот стих,
Чтоб каждым словом был с тобою рядом,
Чтоб каждым звуком оживал и падал
В пространстве отведенном для двоих.
Навряд-ли,
Мне удастся удержаться
На языке.
Лишь в памяти застыть
Когда в руке
Послушные листы
Перевернешь.

Но мне ль бояться?
Неси меня течение нашей встречи!
Произрастай в душе
И будь что будет.
Нам нечего
Стесняться -
Толпы, люди...
Я крепко обнимаю эти плечи.
Пусть дует ветер.
Пусть пронзает.

* * *

Твой голос, искаженный расстоянием
Я слушаю, как музыку король.
И чувство с позабывшимся названьем
Рождается и пробуждает боль,
Но соль
Морей что нас разъединила,
Не превозмочь ни криком, ни письмом,
И тают силы
В смех коммуникаций.

Мечтать и помнить -
Не велик удел
И все что раньше говорить не смел,
Приобретает значимость.
Подняться
Над предчувствием отказа,
Обнять и вымолвить.
И посмотреть в глаза.
Пробел
Молчанья заполнять догадкой,
Язык движений трактовать в ответ,

Уворовать у жизни переглядку,
Касание, когда потушат свет.

* * *

Ту тыщу слов хотеть сказать,
Чтоб сотню тем суметь затронуть.
Но об одном -
Как знать?
Об этом словно прыгнуть в омут
Вот этих глаз.
И там тонуть.
И задышаться. Брось же Слово!
Спаси и выведи на путь,
Где все так просто и так ново.

Грустишь, ресницы опустив.
Смеешься бархатным раскатом
Грома.
Мотив
Сбивается. Картонный
Домик суеты, где ежедневные заботы,
Как срыв, в начале высоты -
Невозвращением из полета.

* * *

Л. К.

Нет ни в чем не признаться.
Посмотреть, повернуться, уйти.
Нам уже не по двадцать,
Мы давно перестали расти

Нам слова не найти
Чтобы сразу подняться над бытом
Мы накрыты
Рутиной и опыт
Привносит свое
Мы мечту сохранить в состоянье забытом
Так стремимся, боясь за нее.

Нет ни в чем не признаться.
Руки за спину, губы сомкнуть.
Разрешите представиться..
Нам уже не по двадцать,
Мы давно начертили свой путь.

Мы живем.
Наши дети растут за спиною.
Дни рожденья и встречи
У общих друзей.
И боимся и ждем,
Чтобы время железной стеною
Разградило нам царство теней.

Нет, ни в чем не признаться.
И старую песней заполнить провал.
Перевал
Тишины проскользнуть незаметно,
Расстаться
Притвориться как будто порвал.

Только жжет до бездумья
Касание пальцев перед тем как прощаться.
И безжалостны судьи
Хоть и не в чем признаться.

* * *

С.

Две стопы её на моей ладони.
Так доверчива и спокойна.
"Отвези меня, где любовь живёт.
Накорми меня тем, что Бог пошлёт."

За сто тысяч верст, через сто морей
Я увез её там, где жить светлей,
Где от бед хранить
Удалось пока,
Хоть в натяге нить
Но ещё крепка.

Где сверчков поёт
Теплой ночью хор
И слова молчат - кому нужен вздор?
А вставать пора - коли выспался.
Ну а как опять дождик выдался?

Отстучит в пыли, да об подоконник.
Две стопы твои
На одной ладони.

* * *

Когда из случая выходит слово,
Подкова
Счастья отвечает эхом.
Покровы
Времени, как брызги чтоб из пены
Ты родилась опять.
Я буду этим берегом, скалою,
Что ты наступишь
Всей ногою тонкой,
И побежишь свой походкой детской,
И оттолкнешься, настигая счастье.

На перроне .

Сначала поцеловать потом обнять.

Нет сначала обнять потом поцеловать.

Нет обнять и поцеловать одновременно, прижать к себе.

Но тут возникает желание.

И что сразу бежать в гостиницу?

Ну мы же цивилизованные люди.

Так что сначала поцеловать руку, улыбнуться, а также и глазами.

Покормить завтраком.

Поговорить о дороге. Обсудить, посоветовать.

Посочувствовать. Прикоснуться.

Обнять за плечи.

(Не поцеловать.)

Чуть-чуть прижать поближе - все же люди вокруг.

Не удержаться и дружеский поцелуй.

В каждую из щек.

Почувствовать ответ. От всего тела.

Ответить..

К свадьбе Ю.Р.

Избраннику наверно повезло.
Она умна, прелестна, не ленива.
В динамике чарующе красива,
И никогда не скажет зло. -

О, задержишь мгновение!
А, впрочем,
Пусть дружба замещает нам любовь.
Со временем,
Широких берегов
Не видно. Знаешь лишь,
Что они точно есть.
И очень
Ценишь их существованье.
В игрушках общих
Старый смысл находишь

Два дерева, растущих из признанья
В одном начале.
Дай вам Бог!
В порогах из печали
Держать весло
И твердо править.
Избраннику, конечно, повезло.

Болезнь

I

Ведь это только в фильмах так бывает,
Прижатый к стенке, он находит ход.
А я стою на, чудо уповаю
И все надеюсь на его приход.

Гляжу в оттенки давящего неба,
Предсказывать берусь "узор судьбы",
Но перед тем, где не был,
Отступаю. Борьбы
Меняют правила на мне.
Увы,
Скажи мне, Господи, ужели
Настал черед, скорбя, идти под нож?
Когда?
Пять лет и двадцать две недели?
Но кто ж
То знает?

Дождь
Опять скрывает солнце
Как знаменье.
И нет рельефа в смысле бытия.
Жизнь продолжается
Надеждой на спасенье
Но блюдце разбивается, летя.

II

О дай мне мужество в покое умереть.
О дай мне сил, когда придет минута,
Кому-то
Улыбнуться,
Облегчив потерю.
Кому-то
Кого тоже я люблю,
Перетерпеть
И снова возродиться
Уже взрослее и нести в себе
Улыбку -
Может быть мою частицу
И больше не бояться
Плыть в судьбе.

III

С.

Мы плохо делаем работу умирать
Отлыниваем и прогуливаем днями.
Кровать
Моя тюрьма. Ну что сказать.
Накрытая из стирки простынями.
И няни
Воспаленные глаза.
Бессонница, лекарства, расписание.
И боли, крутанувшая фреза
И знание
Что уже не передать. Не объяснить.
Лишь только взглядом, если
Еще суметь.
Пока не лопнет нить.
И жизнь останется стоять на месте.

IV

С.

У моря печали
Нет берегов.
Корабль отчаянья.
И я на нем вновь.
Рассекая соленую воду без дна
Мы с тобою вдвоем
А теперь ты одна.
О родная
Моя. Что же хочет Господь,
Хладнокровно кромсая любимую плоть?
В чем расчет?
Где великий задуманный план?
Здесь не видно ни зги.
И над морем туман.
Можно только надеждою дуть в паруса.
Чтоб хотя б иногда высыхали глаза.

МАМЕ

I

Мне нужно снова научиться жить,
Пить, кушать, разговаривать с друзьями.
Но образ навсегда в судьбу зашит -
Твое лицо с короткими кудрями.

Твоя улыбка, Господи, глаза!
И вся любовь, что ты мне подарила.
Слеза.
Но нет расплакаться нельзя -
Ты плакать не любила.
Ты сильная. С тобой светло как днем.
Но вот стемнело. Кончилась дорога.
Мы раньше друг за друга и вдвоем.
Теперь один - ты будешь частью Бога.

Мне некуда и незачем спешить.
Из жизни жизнь - как можно это вычесть?
Но нужно снова научиться жить
И перестать ходить, вслепую тычась.

II

Едва ушла как дождь пошел вне плана
Природы всхлипы в унисон моим
Любимая, измученная Мама,
Мой Херувим.

Мне повезло рожденным быть тобою
И привилегия, что был тобой возвращен.
Я выверяю жизнь твоей рукою
И уповаю, что тобой прощен.

III

А что мне раненым зверем
Еще полвека прожить?
Потерю
Носить на душе?
Научиться скрывать хромоту,
Ожидая конца?
Знание, что удастся проверить,
Лишь перейдя за Черту,
Потерявши черты лица?

IV

Перемололся целый год.
Лишь время кончилось вчера,
Как будто встало в одночасье,
Когда в одиннадцать утра
Несчастье
Стукнулось в меня.

Теперь из дня
Не выжать сути.
Эпоха кончилась дождем
Соленым,
Хлещущим, как прутья,
За клеткой жизни
На распутье
Стою и сам себе смешен.

Ведь знаю, что неконструктивно,
Но дальше некуда уже.
Все мелко серо и пустынно
На разорвавшейся душе.

V

Я разворочен словно вспаханное поле
Прибит дождем. Обвалом тишины.
Из ощущений – только орган чувства боли,
Присыпан щедро порошком вины.

Мы были всем. Теперь как жить?
Обрубок пройденного сна
Мне ворошить.
И толковать.
Что мы вдвоем. Что ты одна.
Что я до дна
Опустошен.
Взойдет ли что на целине?
Каков ответ?
Ты продолжаешься во мне.
Меня же нет.

Не последний в горах и на этой вершине не первый
Я один из счастливцев –

прости мне такой заворот.

Пробираясь на ощупь,

проходя коридорами Веры

Я страхую твой шаг наперед.

И держу твою руку.

И люблю тебя всю,

От ногтей до волос - напролет.

* * *

Маришечке Б.

Голос твой иногда с хрипотцой
И улыбка – в глазах огоньки.
Я касаюсь тебя не рукой
Мне теперь эта жизнь не с руки.

Но спасибо за то что ты есть.
И так близко что можно шептать.
Что любовь продолжается здесь
Чтобы там у тебя расцветать.

Перестать.
И сейчас же вздохнуть,
Утирая глаза рукавом.
Эта наша разлука – как путь
Он проходиться.

Только вдвоем
На него не шагнуть.

* * *

М. О.

Если мерить любовь,
Если как-то придумать устройство
Со шкалою свиданий и счастья,
 хотя бы из разных частей.
То тогда единице такого всемирного свойства,
Назначается имя –
Размерность один Моисей.

Это право же просто,
Чтоб со всех континентов события и люди,
Сплетались в тесный клубок.
Это очень не взросло,
И кто-то наверно осудит.
И даже попробует времени выставить срок.

Подчиняясь минутам, увы,
Мы беспомощны в этом пространстве,
Ленинградский трамвай исчезает.
Он вне скоростей.
Только город из камня.
И в нем Третий Храм постоянства.
Весь в убранстве
Любви.
И приведший к нему Моисей.

С Днем Рождения

Здравствуй мой сорок пятый сентябрь.
Собирались погулять в ресторане,
Пошуметь, как цыганский табор,
Но пришла пора расставанья.
Хоть сознание
Принимает несчастье,
Только тело отражается в лужах
Одиночеством оставшейся части
И так плохо, что уж некуда хуже.

Принимать давай поздравленья.
Только что мне пир, когда тебя нет?
Я стою на коленях – верни мгновенье!
И, конечно, ничего не слышу в ответ.

Но молю все равно – о, дай мне время!
Довести, что начал, хотя б до точки.
Чтоб, когда придет пора скарабея,
Я б ему на зуб показался прочен.
Впрочем,
Что за бред. Египтолог фигов.
Возомнил себя фараоном снова.
В этой жизни «нет» – дворцовым интригам.
И к десяти казням не подобрать слова.

Пей же праздник!
И пей, не чокаясь!
Поминки превыше дня рожденья.
Пусть будет цифра всегда нечетною.
В том есть надежда на продолженье.

Здравствуй, мой сорок пятый сентябрь.
Перевал давно прожит.
Капор
Затяни потуже,
Авось поможет.

* * *

Красивым женщинам не
занимать добра.
Не занимать любви.
Быть королевой поля.
Я пешка.
Я смотрю как ты на воле
Диагональю меряешь ряды.
Не занимать беды.
Но даже пламя отступает,
не коснувшись.
Ты как мечта.
С тобою, не проснувшись,
Уйти гулять за Райские сады.

Прекрасным женщинам не занимать печали.
Дорог, не хоженных, бывает право жаль.
Но пожимая,
Узкими плечами.
Лишь бросив взгляд.
Проходит мимо.
Шаль
Передернув. Будто бы от ветра.
Рука в перстнях.
В глазах поют огни,
Мешая вместе тюны джаз и ретро.
Дорог не хоженных я представляю дни.

Прелестной женщине не занимать надежды.
Она сама надежда.
Мне ли сметь?
Но вежливо, с поклоном,
Как и прежде
Мне все-таки дозволено смотреть.

О королева бала и базара,
Снимите грим веселого лица. -
Все то, что ты однажды не сказала,
А я, услышав, понял до конца.

Сандре

I

Я опять прохожу через чистилище смерти.
В этот раз это просто моя собака.
Вычесанный когда-то кусочек шерсти
Остается на память.
Да пустота, навалившаяся с размаха.

Да, похоже, следят сверху,
Чтоб душа, не дай Боже,
 не притупилась.
Или, скажем, не предалась смеху,
Покуда тело при этом спилось.

Тех, кто любит нас бескорыстно,
Остается все меньше...
Их и так не хватало.
Если что и нарушает закон Коромысла,
Это собачья любовь и моя вина
Немалая.

II

Опять я в дом прихожу пустой,
Где нет моего щенка.
И некому крикнуть: « Фу! Пстой!»
И к носу не льнет щека.

А дом состоит из дырок весь.
Здесь миска была вчера.
А вот еще валяется шерсть,
И кость по среди двора.

И ночью я просыпаюсь вдруг -
Когти стучат о паркет.
Я четко слышу - ко мне идут,
Как шли все двенадцать лет.

И что теперь горевать о том,
Кому не додал любви?
Что снова жизнь показала дно,
Где я опять на мели?

Да, я готов платить по счетам.
Но некому взять расчет!
Ведь в доме, где нет моего щенка
Почти никто не живет.

Ода друзьям

Б. Н. К.

По-плечо ли по-пояс
Трава на промокших лугах.
Этой осени повесть
Не о нас.
Мы ещё на ногах
На своих. Нас не сбить.
И пронзительный ветер
Еще не засыпал нам уши песком.

Мы стоим босиком,
Ощущая комочки земли.
О, друзья,
О, мои короли!
Нам б дожить до весны,
Простоять, удержаться во тьме.

Мы ещё поведем корабли.
На закат. Голытьбе,
По дороге прощая плохих,
Подбирая хороших на борт.

Мы ещё разведем свой костер.
И, конечно, споём,
Попадая и в голос, и в такт.
О любви из аорт.
Ненаписанный пакт,
Подтверждая теплом изнутри.

Наплевав,
На прокисшее небо
И в голос и в рост,
Выпрямляясь «на три».

И не в этом вопрос.
Что зачем мы стоим?
И кому мы хотим доказать?
Мы живем тесным миром своим,
Где не надо просить –
Лучше тихо сказать.

И негромкий тот голос,
Что слово Любви понесёт
Не ослабнет –
Ведь трава лишь по-пояс.
Что же тронулся поезд?
Пусть отправился поезд!
Мы-то знаем, что это не всё.

Рейс № 93

Ты еще будешь видеть сны
Когда мой самолет уйдет в облака.
Прости
Нам не свидеться больше.
И моя рука
Не обнимет тебя с утра.
Тоньше
Ты станешь от этих вестей -
Не смог я беду отвлечь.
Разбросали тело на сто частей.
Те убудки, которых речь,
Нам с тобой никак не понять.
Порешили что хватит
Нам наших встреч.
Хватит
Мне тебя обнимать.

Даже если мы всех сомнем
Нам не встать на земле живым.
А ты еще будешь видеть сон.
Последний,
Посланный нам двоим.
Двоим.
Ты улыбаешься.
Я тут стою -
Дотронуться лишь никак.
Люблю.

Я тебя навсегда люблю.
Нечестно, что все вот так.

Я смотрю
На тебя в восхода лучах -
Разметавши бельё, ты спишь.
И поправки к календарю
Еще нет.
И как хорошо
Что со мною ты не летишь.

* * *

Кто я? Трава ли? Мох?
Никак не могу понять.
Все, что я в жизни смог -
Найти, поднять, потерять.

Это какой-то круг –
Трава, мох, перегной.
На выходе только дух.
Не лучше, не хуже – мой.

НЕПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ.

..далее - снип-превью проекта о моих путешествиях. Извиняться за контраст с предыдущим содержанием этой книги не буду – это жизнь, как она случается.

Заметок накопилось много – а вот оформляются они в нечто связанное медленно. Кое-что из «свежих» следует.

Веселая страна Ирландия

Летел я на свадьбу к своему приятелю в Дублин. Что подарить, так и не придумал, решил привезти ящик калифорнийского красного, ну и себя с супругой – тоже мне подарочек!

С Санечкой – мы должны были романтично встретиться уже в Ирландии, куда она летела прямо из Москвы.

Я прилетаю чуть раньше, она чуть позже. Не виделись мы с ней 3 недели, в общем, романтическая встреча, да к тому же без детей и в Европе.

Ну во первых, я опоздал на самолет. То есть не то чтобы я опоздал, а скажем так, меня опоздали. Приехал, как положено заранее – ну не за 2 часа, а где-то за полтора до вылета. Рейс внутренний. Сан Фран – Торонто (Канада с недавнего времени классифицируется в Америке как внутреннее направление.) Подхожу к стойке United: очередь аж четыре раза загибается – в душе холодеет – пропал – пока достуюсь до стойки регистрации - рейс уже будет в воздухе. Одна надежда – некоторые приличные компании имеют привычку, - опрашивают очередь – кто на такой-то рейс? И опаздывающих пассажиров протаскивают вперед, чтобы успели зарегистрироваться.

Но не тут-то было. Полная демократия. Достоялся до стойки пять минут спустя после того как закрыли прием багажа. Я на них ору – ваша, мол, вина – а мне в ответ: человека еще можем принять – без багажа полетите? А у меня ящик красного на свадьбу – я и в багаж-то его сдавать боюсь, не то, что посылать отдельно. В общем, застрял. Не взлетел.

Побежал по другим компаниям – переносить билет – все без толку. Либо мест нет, либо стыковочного рейса нет. Всем знакомо. Представляю отчетливо, как я опаздываю на свидание с женой. И так далее. В конце концов, та же United меня отправила 8 часов спустя через Денвер-Лондон на Дублин. Ну и хрен бы. Прилетаю в Лондон – башка раскалывается (в самолетах не спится) – рейс на Дублин перенесли на два часа назад. Медленно напиваюсь пивом. Жду. Короче, 24 часа спустя вылета из Сан Франа, выхожу в аэропорту Дублина, звоню благоверной – а она тоже опаздывает на 2 часа с вылетом из Москвы и соответственно стыковкой в Лондоне.

Ну и стал жителем дублинского аэропорта. Исследовал все кафешки, лавочки. Стемнело. Пиво уже не лезет, спать то хочу то не хочу – организм ни как не поймет, где тут день, где ночь.

Кантовался еще часов восемь, пока встретил Санечку. Какая уж тут романтика! Дохлые и изнеможенные пионеры пошли к старику Герцу за

тачкой. Вместо тачки дали пароход – новая вольво, большая и длинная. Хорошо, спокойно так и уверенно, подхожу к машине – Боже! А руль-то где? Сперли. Видать, и правда, что то с головой. Так ведь он справа. Ирландия же.

Я же не разу не водил с правым рулем. Ехать-то куда?. Все наоборот – машина не автомат – ручная – передачи под левую руку – непонятно, почему только педали местами не переставили – было бы неплохо для довершения картины поменять местами сцепление с газом. В общем, с вот такой головой после бессонных часов тридцати полетов и ожиданий попробовал – со стоянки съехал кое как – если ехать по стрелкам разметки, то ничего – а вот на дорогу выехал и сразу по встречной полосе. Беда.

Боролся, боролся – и час спустя смог вернуться обратно на стоянку. «Все», - говорю Герцу - «хотите ваш пароход целым иметь – забирайте обратно, а мне что-нибудь поменьше. Я же человек, и мне в вашем городе парковаться надо где-то и как-то».

Чудо случилось – сжалились над глупым американцем что ли – но заменили мне пароход на велосипед. Маленький бимер модели «мини». По крайней мере, хоть не чувствую себя слонем в посудной лавке. Вторая попытка управления была поудачней. На встречную почти не выезжал. Благо, что уже была глубокая ночь и трафика почти не

было. Так произошло мое посвящение в левостороннее движение.

Три дня спустя я уже лихо ездил по неправильной стороне дороги как будто всегда. Как родной. Проблема оставалась только с кругами развязками. Так и норовил выехать не в том направлении. А уж съехать с круга в правильную сторону и того сложнее – пока не догадался что проще лишний круг намотать, чем не в ту улицу свернуть. Со стороны смотрелось, наверное забавно. Но ирландцы народ добродушный.

Да и как не может быть добродушным народ, который все время пьет вкусное пиво?

Кстати, о пиве и об ирландских пъяницах. Пабы открываются в среднем, в 10 утра, и в них всегда уже кто-то сидит. Когда пабы закрыты – наверное, люди просто не живут.

Как то мы вышли покурить во дворик паба – курение внутри уже запретили – так что дворик - это единственное спасение. Сидим за уличными столиками, курим отхлебывая густой Гинесс – подходит старичок. Руки трясутся, на ногах еле стоит – в общем, классика. Объясняет жестами – с речью уже трудности в его состоянии, что, мол пива ему больше не продают а позарез надо. Протягивает мелочь.

Я ему – отойди, мол. А он упорный такой, вьется и то отойдет на несколько шагов, то снова приблизится и все руку тянет с мелочью. Ну, достал – стояла у нас запасная пинта – отдали ему. Впился, рука дрожит, но ни капли не пролив донес до рта, выпил. Утерся. Отвердевшей походкой, полной достоинства, подошел к столику и как мы не отнекивались, положил свою мелочь. Наконец, ушел.

Через несколько минут подходит новый, уже молодой парень и так спрашивает –

- Деньги есть?

Понятно на что и зачем. Не так, чтобы нищий – одет нормально – но просто стреляет на стакан. Говорим –

- Иди себе дальше.

Уходит. Вскоре подходит новый – мужик.

– Деньги есть?

Ну что делать – деньги все равно не заберешь

– Есть. Вот мелочь.

Отдали. Там было больше, чем нужно. Так он отсчитал сколько надо – остальное вернул опять на стол. Сказал спасибо.

Культура попрошайства?

Потерялись мы как-то в городе – торопимся на свидание с моим приятелем. Я ему звоню на мобилу

– Грег – как тебя найти? Говорю, что стоим на перекрестке таких-то улиц – спрашиваю, куда идти.

- Какие улицы? Ты скажи какой паб перед тобой –

- Черный.
 - А как называется?
 - «Король Джордж»
 - Шесть пабов вверх по улице, повернешь направо и три паба после поворота по правой стороне. Мы в четвертом. Ждем.
- Веселая страна Ирландия. Наверное правильная.

С некоторого времени американцам русского происхождения для въезда в Россию опять требовалось доказывать, что они – «не граждане». Одним из таких доказательств являлась выездная виза, выдаваемая еще советскими органами при выезде на ПМЖ в Израиль.

Непоездка

Кому то опять захотелось проверить, что я не раб.
И я достал из коробки мой проржавевший ошейник.
Мне говорили «фигня», мне говорили – «не прав».
Но я отозвал прошение о визе на въезд в Россию.

Я просто смотрю бессильно на этот кусочек позора.
На доказательство рабства – остаток моих оков.

А небо на Калифорнией синее.
Горы на горизонте взора.
А осадок обиды и хамства занесло океанским песком.

БАНЬКИ

Много, много лет назад, мы с друзьями построили сауну на берегу бассейна. С тех пор каждую вторую среду у нас банный день. Чтобы не забывали приходить, я обязательно посылаю всем напоминание по электронной почте. Ну и чтобы это напоминание было горячее, я стал писать его в стихотворной форме, заимствуя из известных произведений известных авторов ритмику, стиль, иногда слова или фразы. И никогда рифмы.

Итак "банька" это стихотворное произведение, написанное совместно с кем-то из великих, но на тему бани или вокруг нее. Ни в коем случае не пародия. Ну и чтобы читателю было не совсем скучно – если вдруг не узнаете моего соавтора, то смотрите в оглавление.

1

Жара. Пустыня. И питанье манной.
Побег за море. Перевал. Привал.
Тогда наверное был первый вечер банный.
А заповеди позже Он раздал.

2

Среди забот кружащегося дня.
Одно в душе я повторяю имя.
Не потому что грязный как свинья.
А потому, что мне тепло с другими.

И если мне работать тяжело,
То к вечеру придет отдохновенье.
Не потому, что в ней всегда тепло,
А потому, что теплые мгновенья.

3

Я верю, баня будет.
Я знаю, пару плыть
Клубами, чтобы люди
Могли себя помыть.

Потеть, и с удовольствием,
Почесываясь всласть.
Ведь обладает свойством
Смываться в бане грязь.

5

Нет ребята, я не грязный,
Но причесываясь, вдруг,
Обнаружил тварей разных
И покус обоих рук.

Все понятно, запаршивел -
Мыться, чиститься пора.
Я же блохами наширян
Прямо с раннего утра!

Все кончаю разгильдяйство -
Брать примеры у татар.
Отыщу в своем хозяйстве
Веник, пар и самовар.

С этой пожратою мордой,
Вшами выпитый до дна -
Нет рябят, я не гордый,
Но без бани нам хана.

6

Тепло-тепло моей душе
И жарко телу
И жизнь в цветном карандаше
Не в черно-белом.

В ней белый пар заполнит враз
Кедровый контур.
И желтым пиво или квас
И красным морда.

Зеленый веник с ветерком
Отхлещет плечи.
И кто-то крякнет с матерком
Про банный вечер.

И не по всей земле метет
В ней есть пределы,
Где холод вдруг не достает
И жарко телу.

7

Я вновь запаршивел. К чему мне
 любовь и отрада?
И девичьи даже меня не волнуют тела.
И шагом аршинным,
Обутым сапожником Прада,
Я в баню спешу, забывая другие дела.

Опять повстречаться с друзьями
 хотя бы на вечер.
Они отругают, как прежде на старом наречье,
Что все же нельзя запаршивевши так
 не отмыться.
Ведь только чистейшие лица
Легко целовать.

Ну что же пора - и на пар
 не приходится злиться
Ведь если помыться,
То грязным не ляжешь в кровать.

8

Ко мне давненько муза не ходила.
И вот сегодня снова не пришла
Напрасны были перья и чернила,
На завтра передвинуты дела.

Я растопил бы баньку для старухи -
В парную с дамой право не претит.
Но не досталось даже оплеухи
Она решила просто не придти.

Друзья, не следуйте печальному примеру.
Когда прописан тепловой режим.
Она нашла другого кавалера.
Кому же нравится, когда на теле вши?

Итак, ко мне у музы есть презренье.
Тут не помогут чистые листы.
Меня простит народонаселенье
Но помню это чудное мгновенье
Когда передо мной явилась ты!

два «гарика»

а)

Законам физики подвластны
Тела потеют на полатах,
А после с пивом и в халате
Их жизнь проходит не напрасно

б)

С красивой девушкой в бане
Я пребываю, как в нирване.
В нирване ж, как известно йог
Не захотел, хотя и мог.

Новогодняя

Вспоминается тот старый анекдот – подходит человек к дому (время 60-е годы) и спрашивает

- Скажите это кооператив?

Тишина. Громче – Скажите это кооператив?

Открывается окно – там полная женщина в бигуди – Заметно, картавя - Кооператив, кооператив, ну зачем же так кричать!

В общем дом наш был первым кооперативом в престижном (тогда еще не очень) районе Москвы – Юго-Западе. Было поле, было в этом поле метро и один дом – потом сразу еще два дома близнеца. И больше ничего. На лыжи вставали прямо от подъезда (в первую зиму), за парным молоком можно было сгонять через дорогу в деревню Тропарево.

Люди жили в доме разные, в том числе и знаменитости. Мне тогда было 7 лет, только только исполнилось, во втором подъезде жил и до сих пор живет сценарист и писатель Илья Рубинштейн, а в пятом подъезде жил Володя Спиваков (тогда только восходящая звезда – третий этаж, окна во двор под окнами москвич. Соседи строчат жалобы на шум – репетирует на альте.) Я гулял с собакой - песик у меня был замечательный, звали Шалуном.

- Мальчик немедленно отведи свою собаку от моей машины!

А Шалун тем временем писал на заднее колесо.

Как то зимой в наш двор притащили двигатель от “Яка”. Год был примерно 1976. Начались съемки фильма “Ирония Судьбы или с Легким Паром”. Ипполит бегал за удаляющимися жигулями и бросался снежками вдогонку. Валил густой снег, сделанный воздушным винтом Яка когда тот раздувал кучи мелко-мелко нарезанных белых бумажек -снежинок.

Рязанов -

- Мальчик, уйди со своей собакой! Она писает на наш снег.

И теперь в каждую Новогоднюю ночь, в которую мне приходится включать телевизор, я вижу летящие бумажки и удаляющееся жигули. И опять и опять. Неужели когда-нибудь нельзя сделать другой фильм на другую тему? Впрочем добрая традиция накануне Нового Года ходить в баню пошла в массы оттуда. А вот в этом 2008/09 году Новый Год пришелся на среду, так что новогодняя банька была как раз кстати.

теплых тел, заплывающих потом.
Интересных историй, еще не ушедших в пески.

И раскается сердце о грешном, но вкусном обеде,
Выгоняя сквозь поры, накопленный яд пирогов.
О, моя дорогая, моя несравненная леди,
Мне б дожить до среды, как поры отпущенья грехов.

* * *

Два комара решили выпить крови
Один сосет пока другой жужжит.
И получилось!
Гнусное сословье!
Я так чешусь, что койка вся дрожит.
И книжный шкаф дрожит,
Посуда ходит в горке.
А люстра раскачалась вообще.
И крыса, что бежит
Как будто, к норке
К обеду повстречается в борще.
Что я несу!
Я сбредил. Я сорвался.
Елозиво. Чесотки полный кайф!
Как-будто пьян, хотя не напивался,
Не натыкался венами на найф.
А просто грязен.
Это свойство корки.
Как пальцы на коробке ЮпиЭс
Картон разрывают переборки -
Вздыхает кожа.
Yes!
Oh yes!
О баня, прочь сомненья!
Настаньте облегченье и покой.
По волшебству случится превращение -
Иван-Дурак вернулся из парной.

СОДЕРЖАНИЕ

«У меня под ногами затейливо».....	7
«Нет не придумать про дожди».....	8
«Замечательных песен уже не учить».....	9
«Я далекое жаркое лето».....	11
«Никуда уж не деться».....	12
«По направлению отдышки».....	13
Б.Окуджаве.....	14
«Людей тех нет».....	16
«Закрывая глаза, прохожу коридором»....	18
«Все, что осталось от меня».....	20
«Счастливая, ты забываешь сны».....	22
«Хочу чтоб ты читала этот стих».....	23
«Твой голос искаженный расстоянием»....	24
«Ту тыщу слов хотеть сказать».....	25
«Нет ни в чем не признаться».....	26
«Две стопы её на моей ладони».....	28
«Когда из случая выходит слово».....	29
На перроне.....	30
к свадьбе Ю.Р.....	31
Болезнь :	
«Ведь это только в фильмах так».....	33
«О дай мне мужество в покое умереть»...	34
«Мы плохо делаем работу умирать».....	35
«У моря печали».....	36
Маме :	
«Мне нужно снова научиться жить».....	37

«Едва ушла как дождь пошел вне плана»..	38
«А что мне раненым зверем».....	39
«Перемололся целый год».....	40
«Я разворочен словно вспаханное поле»..	41
РЕКВИЕМ.....	42
«Голос твой иногда с хрипотцой».....	44
«Если мерить любовь».....	45
с Днем Рождения.....	46
«Красивым женщинам не занимать добра»..	48

Сандре:

«Я опять прохожу через чистилище».....	50
«Опять я в дом прихожу пустой».....	51
Ода друзьям.....	52
Рейс №93	55
Кто я? Трава ли мох.....	56

Непутевые Заметки:

Веселая страна Ирландия.....	59
Непоездка.....	65
БанькиЖ.....	66
С Блоком.....	67
С Анениским.....	67
С Маяковским.....	67
С Твардовским.....	68
С Пастернаком.....	69
С Окуджаавой.....	70
С Высоцким и Пушкиным.....	71
С Губерманом.....	72
Новогодняя или С Визбором.....	73
Сам с собой.....	77

Покуда зрение любви
Не подвело меня ни разу.
Пусть, неподверженное сглазу,
В пыли,
Тумане, темноте
Являет образ без отказа.

С 1990г. Автор живет и работает в Калифорнии –
дополнительная информация www.nomer.us

